

Сотрудники недавно ликвидированного Госнаркоконтроля не спешат переходить на службу в МВД. Как сообщили «Труду» из неофициальных источников, лишь 15% экс-борцов с незаконным оборотом наркотиков готовы примерить новые погоны. Причем, как выясняется, отказники в большей своей части – это оперативные сотрудники.

Заставить их перейти самих и передать свои оперативные наработки поручено специальной ликвидационной комиссии, которая начала свою работу с 1 июня. На бумаге все выглядит отлично: агентурные дела передаются, как и было запланировано. Но во многих случаях это оказываются картонные скоросшиватели, набитые ненужной бумагой. В целом за бортом правоохранительной системы остаются почти 25 тысяч сотрудников упраздненного ГНК. Кто займет их место в МВД – большой вопрос. В одночасье найти столько людей, знающих специфику борьбы с наркотрафиками, – огромная проблема.

А масштабы этого трафика выглядят зловеще. Посмотрим по героину: по оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, ежегодно в Россию ввозится около 40 тонн этого наркотика. Из них 27 тонн следуют транзитом на Запад. Изъять получается около 2,5 тонны, остальное употребляют наши отечественные наркоманы. То есть российским правоохранительным органам удастся изъять из незаконного оборота чуть более 6% героина. И это совместными усилиями ФСКН, МВД и пограничной службы.

Героиновая смертность в России – по оценкам той же ООН – составляет около 40 тысяч человек в год. Столь мрачная статистика подтолкнула к ликвидации ФСКН. Да и сэкономить порядка 30 млрд рублей в год (к такому сокращению бюджетных расходов приведет, по оценкам члена комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ильи Костунова, упразднение Госнаркоконтроля) – дело для власти не последнее.

Впрочем, дело не только в расходах. Дело в принципе: конкуренция между правоохранительными органами на одном поле не приводит ни к чему хорошему. Начиная с 11 марта 2003 года, когда был создан Госнаркоконтроль, Россия была единственной страной в мире, где служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков являлась независимым органом исполнительной власти в ранге министерства. К примеру, в Германии антинаркотические подразделения входят в состав федеральной полиции – составной части немецкого МВД. Такая структура правоохранительных органов существует во всех европейских странах. Кстати, в среднем по Европе, по данным Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости, изымать из незаконного оборота удается более 20% запрещенных препаратов.

В США эта цифра чуть ниже, около 15%. Там с наркотрафиком борется не только полиция, но и администрация по применению законов о наркотиках. Однако и эта структура не является самостоятельной, а входит в Министерство юстиции (туда же входит и ФБР). Так вот, в США конкуренции между полицейскими и антинаркотической администрацией не существует. Ее подразделения просто координируют при необходимости действия копов из разных штатов. Мы же с аппаратными играми по созданию и упразднению отдельного антинаркотического ведомства вышли на первое место в мире по потреблению героина. И дело здесь не в том, кто как работал – подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД или ФСКН. Лучше вспомним русскую пословицу: у семи нянек дитя без глазу. Как раз наш случай...

(www.trud.ru)